

столкновений с татарами.⁴⁵ Такое же сочувствие он высказывал и тверским боярам, терпевшим «обиды» от московской администрации, и новгородским жителям, высланным из Новгорода.

Значит ли это, что составитель свода 1489—1490 гг. был противником объединения русских земель и мечтал о восстановлении феодальной раздробленности? Едва ли это так. Основной источник СII—Л был московской летописью; автор ее стоял уже на общерусской точке зрения. Можно согласиться с А. Н. Насоновым, что составитель свода 1489—1490 гг. выступал «в интересах справедливости, как ее понимали в данной среде», искренне (и с достаточным основанием) считая, что великий князь «поступает несправедливо и пристрастно».⁴⁶ Но, выступая против великого князя, этот летописец в первую очередь, естественно, ощущал «обиды», понесенные людьми близкой ему среды, — обиды крупных церковных и светских феодалов. Чтобы понять настроения этой среды, лучше всего вспомнить написанные в конце XV в. сочинения Иосифа Волоцкого, в которых этот будущий идеолог православной самодержавной власти сравнивал Ивана III, погубившего своих братьев, с Каином и проклинал его за связь с еретиками.⁴⁷ В отличие от составителя северного свода 1472 г. создатель летописи, отразившейся в СII—Л, был ортодоксальнейшим церковником — он не только не позволял себе каких-либо сомнений в святости ярославских чудотворцев, но посвятил им сугубо благочестивое повествование под 6971 и 6975 гг. Под 6996 г. составитель свода 1489—1490 гг. сообщил (в отличие от всех остальных летописей) о первом наказании новгородских иконоборцев; в свою летопись, как мы знаем, он включил целый ряд житийных памятников и сказаний о чудесах (в одном из которых высказывалась даже скорбь по поводу «нахождения еретического»).⁴⁸ Именно с этих ортодоксально-церковных позиций свод 1489—1490 гг. осуждал великого князя, чье поведение явно не соответствовало нравственным идеалам летописца.

Итак, нам представляется, что свод 1489—1490 гг. был неофициальной летописью, вышедшей из среды оппозиционного духовенства. Связь его с этой средой сказалась и на дальнейшей судьбе памятника. В своде 1518 г., куда включен был основной текст свода 1489—1490 гг., уже не

⁴⁵ Резкие отличия свода 1489—1490 гг. от северного свода 1472 г. обнаруживаются также в известиях о ярославских чудотворцах: свод 1472 г. относился к этим чудотворцам иронически, а свод 1489—1490 гг. рассказывал, как был наказан за неверие в ярославских чудотворцев архиепископ Трифон (этому Трифону свод 1472 г. приписывал важнейшую роль в освобождении Василия II в 6955 г., и СII—Л, повторяя это известие, давали противоречивую характеристику Трифону). Расходились между собой свод 1472 г. и свод 1489—1490 гг. и в оценке казни жены боярина Андрея Дмитриева (Мамона): в Ермолинской казнь эта описывалась под 6951 г. как немотивированная и несправедливая (известие это было воспроизведено и в СII—Л), а в СII—Л под 6988 г. сожжение Мамоновой «за ведовство» рассматривалось как позорный факт семейной истории, бросающий тень и на ее сына. О противоречиях между протографом СII—Л и Типографской летописью см.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 164—165, 169. Едва ли поэтому прав А. Н. Насонов, когда при характеристике свода 1489—1490 гг. он опирается в первую очередь не на оригинальные известия, а на тексты, заимствованные в СII—Л из протографов Сокращенных сводов и Ермолинской или Типографской летописи, — осуждение «предателей христианских» и критику лихоимства воевод (А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в., стр. 313—314).

⁴⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в., стр. 305—307.

⁴⁷ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 237—244.

⁴⁸ Ср. Сказание о хромце под 6970 г.